

На правах рукописи

Сазонова Наталия Ивановна

**Изменение богослужебного текста
как направление трансформации религиозного сознания:
на материале литургической реформы патриарха Никона**

09.00.13 Религиоведение, философская антропология,
философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Томск – 2009

Работа выполнена на кафедре философии и социальных наук
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Аванесов Сергей Сергеевич

доктор философских наук, профессор
Шахов Михаил Олегович

доктор философских наук, профессор
Элентух Илья Павлович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Амурский государственный
университет»

Защита состоится 08 октября 2009 г. в _____ на заседании
диссертационного совета Д 212.266.02 при Томском государственном
педагогическом университете по адресу: 634050, г. Томск,
ул. Советская, д. 45, Дом ученых, каминный зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Томского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жукова Е. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние десятилетия в российском обществе предпринимаются активные действия, направленные на возрождение духовной культуры, в том числе и ключевой ее составляющей – религиозного сознания, о путях и направлениях обновления которого ведутся оживленные дискуссии. Это актуализирует философскую рефлексию свершившихся трансформаций религиозного сознания в контексте отечественной культуры. В истории культуры известны переломные моменты, когда предпринимались попытки трансформации религиозного сознания, в том числе и те, результаты которых были далеки от изначальных целей трансформации.

Рассмотрение религиозного сознания в переломные моменты развития дает также широкие возможности для изучения самого сознания: именно в эти периоды структура религиозного сознания, способы и направленность его изменения, становятся наиболее очевидными. Особую значимость в плане анализа религиозного сознания имеет исследование сакральных, в том числе богослужебных, текстов: объектом научных изысканий сакральный текст делает не только то, что он содержит основные элементы характерного для данной религии сознания, но и возможность верификации полученных научных результатов, благодаря разработанности семиотической методологии.

Анализ сакрального текста дает возможности не только для изучения структур религиозного сознания, но и для понимания процессов трансформации этого сознания, в случаях, когда объектом исследования становится текст в аспекте его изменения. Это позволяет системно представить как процесс, так и направленность трансформации религиозного сознания. Примером серьезных и масштабных изменений богослужебного текста является литургическая реформа патриарха Никона (1653–1666 гг.), которая по своей масштабности практически не имеет прецедента в истории Русской церкви. В результате этой реформы в течение 10–12 лет «исправлению» подверглись все богослужебные тексты без исключения. Реформа имела далеко идущие культурные и социальные последствия (религиозный раскол церкви и общества на старообрядцев и «новообрядцев»), а также во многом определила дальнейшее развитие православного религиозного сознания в России. Вот почему исследование влияния изменения текста на трансформацию религиозного сознания является оптимальным именно на материале этой реформы.

Степень теоретической разработанности проблемы. Проблемы взаимосвязи сакрального, в том числе богослужебного, текста и религиозного сознания нередко рассматриваются как в философии, так и

в других областях науки. Значение сакрального текста в различных религиях анализируется в работах Р. Н. Беллы, У. Джеймса, Б. М. Гаспарова, А. П. Забияко, И. А. Ильина, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова, Д. Фрэзера и других исследователей. Связь богослужебного текста с религиозным сознанием применительно к восточному христианству в общем виде затрагивают в своих работах В. В. Болотов, Л. П. Карсавин, А. В. Карташев, П. М. Минин, М. Э. Поснов, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. Немало работ философов и богословов посвящены также конкретным вопросам символизма в православном богослужении: это труды архиеп. Вениамина (Краснопевкова), Н. Антонова, С. Булгакова, И. Бухарева, Н. Никольского, А. Рудакова, и ряда других авторов. Большой интерес вызывают православные богослужебные тексты и у современных исследователей (С. С. Аванесов, Н. К. Гаврюшин, Н. Л. Мухелишвили). Роль богослужебного текста в формировании религиозного менталитета и системы ценностей в последние годы все чаще признается в рамках исторической науки: так, подчеркивается тесная связь повседневной жизни с богослужебной практикой, в особенности у крестьянства, в работах И. В. Поздеевой, Е. В. Градобойниковой, М. М. Громыко, М. В. Гусевой, И. В. Дергачевой, М. В. Корогодиной, Е. М. Сморгуновой, Л. Б. Сукиной, Л. А. Тимошиной, Е. В. Шапиловой. В целом можно констатировать, что на сегодняшний день в науке общепризнанным является наличие тесной и непосредственной связи сакрального, в том числе богослужебного текста с религиозным сознанием, что, как мы видели, показано исследователями различных направлений. Эта общепринятая позиция находится в рамках преобладающего в последние десятилетия взгляда на сознание как текстоцентричное, что обусловило активное развитие герменевтической методологии, основанной на понимании сознания как языкового.

Именно в качестве языкового понимают сознание В. Гумбольдт, Х. Г. Гадамер, В. Дильтей, П. Рикёр, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер. В России герменевтика получила развитие в трудах как философов, так и лингвистов. Идеи, сходные с идеями В. Гумбольдта и Ф. Шлейермахера, высказывали, в частности, Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня, А. Ф. Лосев, Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский. В русле герменевтической методологии находятся и труды ученых тартусско-московской семиотической школы – Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, А. Я. Гуревича, Ф. М. Гершковича, Ю. К. Лекомцева, и диалоговый метод понимания сознания через текст, в наибольшей степени разработанный М. М. Бахтиным, В. С. Библером, М. Бубером. Различные методологические подходы, близкие к герменевтике, получают распространение в рамках исторической науки, лингвистики (О. Н. Бахтина, Т. И. Вендина, Е. М. Верещагин, И. Н. Данилевский, Е. Е. Дутчак, А. М. Камчатнов, А. Л. Юрганов).

Общая разработанность герменевтической методологии, наряду с признанием тесной связи текста и сознания в целом, а также богослужебного текста и религиозного сознания в частности, создает предпосылки для изучения конкретных аспектов влияния богослужебных текстов на религиозное сознание. Однако, несмотря на наличие таких предпосылок, до настоящего времени не предпринимается анализа конкретных способов, форм, логики влияния текста на религиозное сознание. Совершенно неразработанной является и проблема трансформации религиозного сознания в связи изменениями богослужебного текста, имеющая наибольшую актуальность и значимость имеет для изучения литургической реформы патриарха Никона (в связи с культурными и социальными последствиями реформы). Об актуальности проблемы говорит тот факт, что трансформация религиозного сознания в той или иной степени затрагивается во всех исследованиях на тему литургической реформы.

Вместе с тем, несмотря очевидную значимость проблемы, вопросы трансформации религиозного сознания в связи с никоновской литургической реформой в работах ученых различных направлений ставятся, как правило, вне анализа конкретных изменений в богослужебных текстах, а потому зачастую решаются лишь в общем виде. Так, для представителей синодальной историографии старообрядчества постановка таких вопросов обусловлена полемикой в связи с церковным расколом. В этом случае проблема трансформации религиозного сознания в связи с изменением текста видится авторам только как проблема наличия в сознании языческих «пережитков», что обусловило неприятие «нового», не «обрядового», а духовного отношения к тексту. Этот же подход к трансформации религиозного сознания отражен в работах таких исследователей, как В. В. Андреев, Е. Голубинский, Н. Ф. Каптерев, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, С. М. Соловьев, Ф. П. Терновский, А. П. Щапов. В отсутствие анализа самих богослужебных текстов, подвергшихся изменениям, основой для выводов, как правило, служит только возникшая вокруг реформы полемическая литература.

Вне анализа конкретных изменений в богослужебных текстах подходят к изучению трансформации религиозного сознания и многие философы «русского зарубежья», исследующие реформу патриарха Никона уже с неполемических позиций. Такой подход к изучению реформы демонстрируют работы В. В. Зеньковского, С. А. Зеньковского, А. В. Карташева, И. Мейендорфа, Л. А. Успенского, Г. П. Федотова, А. Шмемана. На той же основе проблема рассматривается в ряде работ последних десятилетий, посвященных церковному расколу сер. XVII в. (работы А. С. Ахиезера, О. Н. Бахтиной, Ф. Ф. Болонева, Л. Н. Гумилева, А. В. Дыдыкина, Н. Г. Денисова, Е. Е. Дутчак, Э. С. Кульпина, А. И. Мальцева,

С. В. Севастьяновой, Н. В. Сеницыной, Р. Г. Скрынникова, Е. Б. Смилян-ской, Н. Н. Покровского, Л. Н. Приль, О. М. Фишман, А. Юдина). Через призму полемической литературы изучается религиозное сознание и его изменение Б. А. Успенским. Аналогичным образом анализируется ни-коновская реформа и в работах философов, историков и публицистов, принадлежащих к старообрядчеству (И. Н. Заволоко, Б. П. Кутузов, С. П. Рябушинский, М. О. Шахов).

Следует отметить, что возможности для изучения трансформации религиозного сознания на основе анализа изменений богослужебного текста имеются. К настоящему времени создана как теоретическая база для таких исследований (достижения философии в плане разработки общих вопросов связи текста и религиозного сознания), так и методоло-гический инструментарий (семиотическая и герменевтическая методо-логия). Наконец, в области истории богослужебных текстов накоплен большой эмпирический материал, и в плане истории богослужебного текста в целом, и в области истории никоновской литургической рефор-мы. Такие исследования предпринимали А. И. Алмазов, Е. А. Агеева, С. А. Белокуров, А. В. Вознесенский, А. И. Голубцов, А. В. Дадыкин, А. А. Дмитриевский, Т. А. Исаченко-Лисовая, И. А. Карабинов, прот. Ге-оргий Крылов, И. Д. Мансветов, С. Матхаузерова, П. Ф. Николаевский, Н. М. Одинцов, А. В. Петровский, И. В. Поздеева, В. П. Пушкин, Б. А. Ус-пенский и другие авторы. Очевидно, что имеющийся эмпирический ма-териал нуждается в дальнейшем обобщении и анализе.

Как видим, несмотря на признание наукой текстоцентризма созна-ния в целом и религиозного сознания в частности, понимание большой роли богослужебного текста, как фактора конституирования религиоз-ного сознания, общую разработанность методологических принципов исследования текста (семиотика, герменевтика), а также на имеющийся большой эмпирический материал в области истории богослужебного текста, в настоящее время отсутствуют фундаментальные исследования, касающиеся конкретных способов, форм, логики влияния богослужеб-ного текста на религиозное сознание. Неизученным остается и влияние на религиозное сознание изменения этого текста. Вот почему можно констатировать, что существующая в науке ситуация создает настоя-тельную потребность исследования вопросов трансформации религиоз-ного сознания под влиянием изменений богослужебного текста.

Именно на поиск решения **научной проблемы**, связанной с тем, каковы способы, формы и характер воздействия изменения богослу-жебного текста на трансформацию религиозного сознания, направлена настоящая работа. Поскольку масштабные изменения богослужебного текста произведены, в частности, в результате литургической реформы

патриарха Никона, решение поставленной научной проблемы видится оптимальным именно на материале этой реформы.

Объектом исследования является православный богослужебный текст периода литургической реформы патриарха Никона в аспекте его изменения. **Предмет** исследования – аспекты трансформации религиозного сознания в связи с изменениями, внесенными никоновской реформой в богослужебный текст.

Целью диссертационного исследования является выявление места и роли изменения богослужебного текста, как одного из ведущих направлений трансформации религиозного сознания, а также направленности трансформации религиозного сознания в результате воздействия изменений богослужебного текста, внесенных литургической реформой патриарха Никона. В рамках поставленной цели основными **задачами** работы будут следующие:

1) определить концепцию религиозного сознания, позволяющую установить связь религиозного сознания и сакрального текста, на основе достижений философии культуры и разработанных в науке способов интерпретации текстов культуры;

2) разработать и обосновать методологический подход, релевантный выявлению трансформации религиозного сознания в результате воздействия изменяемого сакрального текста, на основе достижений семиотической и герменевтической методологии;

3) выявить место и роль богослужебного текста как фактора смыслового конституирования православного религиозного сознания;

4) выделить семиотическую структуру богослужебного текста;

5) определить смыслообразующую структуру богослужебного текста, характер и направления диалога богослужебного текста и человека;

6) установить место и роль изменений богослужебного текста в рамках литургической реформы патриарха Никона в связи с ее историческим и культурным контекстом;

7) установить наличие изменений богослужебного текста в аспекте трансформации фундаментальных религиозных представлений в религиозном сознании;

8) установить наличие изменений богослужебного текста в аспекте выявления трансформации места и роли человека в сакральном диалоге, осуществляемом через богослужебный текст.

Методологические и теоретические основания исследования. В основе методологии исследования лежит феноменологический подход к религии – один из ведущих в настоящее время в философском религиоведении. Согласно указанному подходу, феномен религии изучается в системе его собственной логики, содержания и смысла, требующих истолкования. Вот почему особую методологическую актуальность для

изучения феномена религии имеет герменевтическая методология, и, в частности, сформулированные в рамках этой методологии принципы подхода к текстам, основанные на понимании сознания как языкового, текстоцентричного, что позволяет поставить вопрос о влиянии изменения текста на сознание в аспекте его трансформации.

При анализе влияния изменения текста на трансформацию сознания, прежде всего, следует установить, как именно происходит этот процесс, в зависимости от типа и характера анализируемого текста. Поэтому представляется, что применение герменевтического метода должно предваряться **семиотическим анализом текста**. Основные теоретические подходы к такому анализу разработаны в трудах Ч. С. Пирса, Ф. де Соссюра и других авторов. На основе полученных результатов, касающихся семиотической структуры богослужебного текста и процесса влияния текста на религиозное сознание, может строиться дальнейший анализ изменений текста, в непосредственной связи с трансформацией религиозного сознания под влиянием этих изменений. Речь идет об определении смыслового содержания вносимых в текст изменений, для чего одним из оптимальных видится **диалоговый метод**, разработанный М. М. Бахтиным и В. С. Библером и предполагающий соотнесение текста с его контекстами. Таким образом, выводы о влиянии изменений богослужебного текста на трансформацию религиозного сознания могут быть сделаны на основе сочетания семиотической и герменевтической методологии, которое может быть определено как **семиотико-диалоговый методологический подход**, включающий в себя семиотический и герменевтический анализ богослужебного текста. При использовании данной методологии, безусловно, необходимыми являются междисциплинарные связи философии, истории и лингвистики.

В связи с целями и задачами работы, основу **источниковой базы** исследования составляют **богослужебные тексты дониконовского и никоновского издания**. В настоящем исследовании приоритет отдается изданиям Московского печатного Двора, где сначала издавались богослужебные книги т. н. «кружком ревнителей благочестия», а затем – реформированные патриархом Никоном книги. Кроме собственно богослужебных книг, для более точного понимания точки зрения современников на богослужение, в работе используются толкования богослужебного текста в современной реформе святоотеческой литературе, имевшей распространение среди верующих. Источниками, позволяющими выявить взгляд современников на богослужебный текст и его значение, а также реакцию на никоновскую справу, являются полемические сочинения старообрядцев и их противников, свидетельства иностранцев, документальные источники (материалы церковных соборов).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в следующем:

1) определена уровневая концепция религиозного сознания, как оптимальная для изучения связи изменения текста с трансформацией сознания;

2) разработана и обоснована методология исследования трансформации религиозного сознания в связи с изменением богослужебного текста – семиотико-диалоговый методологический подход;

3) выявлена и обоснована связь центрального значения богослужебного текста в религиозном сознании с принадлежностью богослужебного текста к области религиозной гетерономии;

4) системно дана семиотическая структура богослужебного текста, как неразрывного единства плана выражения (представляющего собой синтез вербального текста и невербальных элементов богослужения) и плана сакрального содержания текста;

5) выявлена специфическая смыслообразующая структура богослужебного текста – сакральный диалог, в процессе которого происходит постижение и понимание человеком религиозных истин;

6) сделан вывод о том, что литургическая реформа патриарха Никона была попыткой выйти из кризиса религиозного сознания путем воздействия на сознание через изменение богослужебного текста;

7) выявлены объективные смысловые изменения текста, свидетельствующие о трансформации в результате никоновской литургической реформы фундаментальных религиозных представлений (теологических, аксиологических, экклезиологических);

8) выявлены объективные смысловые изменения текста, свидетельствующие о трансформации в результате никоновской литургической реформы роли и позиции человека в сакральном диалоге (в области предстояния человека Богу, его характера и форм).

Положения, выносимые на защиту:

1. Сознание определяется, как совокупность процессов, связанных с постижением бытия человека в плане осмысления его категориальных основ и в плане самосознания. В составе сознания выделяются такие элементы, как знание, понимание, вера. Одной из оптимальных для изучения религиозного сознания видится уровневая концепция, согласно которой в религиозном сознании выделяются уровни экзистенциального переживания, осмысления и общения с трансцендентным. К элементам конкретного содержания религиозного сознания принадлежат фундаментальные религиозные представления и понятия, а также как представления и понятия о «правильном» религиозном поведении человека.

2. Одним из оптимальных для исследования трансформации религиозного сознания в связи с трансформацией текста представляется

семиотико-диалоговый методологический подход, основанный на сочетании методологических принципов семиотики (анализ богослужебного текста как знаковой системы, выявление в нем планов выражения и содержания, смыслообразующей структуры, направлений диалога текста и человека) и герменевтики (соотнесения текста с его контекстами).

3. Богослужебный текст играет центральную роль в формировании религиозного сознания, как в связи с тем, что во всех своих формах (вербальной и невербальной) принадлежит к области религиозной гетерономии, формируя основные аспекты религиозного сознания, так и в связи с системообразующей ролью вербального языка в культуре и общим текстоцентризмом сознания.

4. Богослужебный текст является сверхсложной семиотической системой, которая с внешней стороны есть единство вербальных и невербальных (ритуал, пение, изобразительный ряд и др.) элементов, а с точки зрения соотношения означаемого и означающего – единство планов выражения и содержания, предполагающее неконвенциональное отношение к знаку.

5. Сакральный диалог человека и Бога, осуществляемый через текст, является смыслообразующей структурой, формирующей основные религиозные представления, что, применительно к православию, связано с приоритетностью молитвы как способа богопознания. Соответственно, любые изменения текста так или иначе могут воздействовать и на его смыслообразующую структуру, как это произошло в период литургической реформы патриарха Никона, и изменять формируемые текстом элементы религиозного сознания.

6. Литургическая реформа патриарха Никона представляла собой попытку выйти из кризиса религиозного сознания, происходившего в этот период, путем трансформации «недостаточно воцерковленного» религиозного сознания в направлении устранения кризисных проявлений. Основной идеологической базой такой трансформации является идеология «Москвы – третьего Рима», предполагающая ведущую роль России как хранителя православной веры. Способом трансформации религиозного сознания стало масштабное и всеобъемлющее изменение богослужебного текста – основного фактора конституирования религиозного сознания.

7. Результатом литургической реформы стало изменение фундаментальных религиозных представлений: изменились основы представлений о степени близости событий Священной истории (выход с уровня личного переживания событий Священной истории на уровень их осмысления), по-новому была осмыслена догматика (акцентирование внимания на роли всей Св. Троицы в спасении людей, тогда как дониконовский богослужебный текст был склонен к «конкретному» воспри-

ятию ипостасей Божества), трансформирована позиция Бога в сакральном диалоге (удаление из текста представлений о Боге как Судии и подчеркивание милости Бога к человеку), экклезиологические представления: воцерковление всей жизни человека заменяется на разделение мирской и церковной жизни.

8. Результатом никоновского реформирования является трансформация религиозного акта человека. Вводится представление о верующем как «христианине вообще» в противоположность дореформенному представлению о приоритете личной греховности; падает значение ритуала. Серьезные изменения претерпевает представление о положении человека в сакральном диалоге по отношению к Богу (множественные изменения, связанные с введением личного обращения к Богу), радикально снижается покаянный «накал» молитв.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке семиотико-диалогового методологического подхода, позволяющего вскрыть способы, формы и характер воздействия изменения богослужебного текста на трансформацию религиозного сознания. Это создаст методологические предпосылки для дальнейших исследований как православного богослужебного текста в целом, так и никоновской литургической реформы в аспекте трансформации религиозного сознания. Работа способствует углублению и расширению научных представлений о значении богослужебного текста как фактора религиозной жизни и формирования религиозного сознания в плане конкретизации представлений о семиотической структуре богослужебного текста и механизмах смыслообразования в богослужебном тексте. Результаты исследования способствуют также формированию нового видения никоновской литургической реформы в связи с трансформацией ряда аспектов религиозного сознания.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в дальнейших философских исследованиях трансформации религиозного сознания в связи с трансформацией текста, в том числе и в изучении никоновской литургической реформы. Результаты исследования представляют ценность и для других областей научного знания. Так, ценность для исторической науки в плане восстановления текстовой картины никоновской реформы представляют предпринятые в работе обобщение и систематизация текстовой картины никоновской книжной sprawy по двум богослужебным книгам – Требнику и Часослову. Материалы диссертации могут быть использованы в лингвистике и семиотике для изучения на их основе эволюции языка богослужения. Полученные научные результаты могут найти применение в учебно-педагогической практике: при составлении учебников и пособий, для чтения лекций и проведения семинарских

занятий по курсам религиоведения, философии культуры, культурологии, семиотики, истории и истории культуры России.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на научных конференциях «Старообрядчество: история, культура, современность, местные традиции, русские и зарубежные связи» (г. Улан-Удэ, 2007), «Старообрядчество: история, культура, современность» (г. Москва, 2007), «Человек в современных философских концепциях» (г. Волгоград, 2007), «Единство гуманитарного знания: новый синтез» (г. Москва, 2007), «XVII Международные Рождественские чтения» (г. Москва, февраль 2009). За книгу «Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666 гг.): Требник и Часослов» автор удостоена диплома Фонда развития отечественного образования (2008).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета.

Структура диссертации определяется поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, 4 глав и заключения. Содержание работы изложено на 260 с., список использованных источников и литературы составляет 525 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к работе обоснована ее актуальность, проанализирована степень разработанности проблемы в научной литературе, поставлена проблема исследования, сформулированы его цели и задачи, раскрыты методологические и теоретические основания исследования, новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, апробация результатов исследования, структура работы.

В **Главе 1 «Богослужебный текст: методология исследования, роль и место в конституировании религиозного сознания»** на основе имеющихся достижений философии религии определяется концепция религиозного сознания, оптимальная для исследования связи сознания и текста, разрабатывается и обосновывается методология и модель исследования богослужебного текста, выявляются роль и место богослужебного текста в православном религиозном сознании.

В параграфе **1.1. «Религиозное сознание и богослужебный текст: методология исследования»** обосновывается концепция религиозного сознания, на основе которой проводится дальнейшее исследование, разрабатываются его методология и модель.

В п. **1.1.1 «Религиозное сознание: уровни и содержание»** определяется концепция религиозного сознания, оптимальная для изучения влияния изменения текста на трансформацию сознания. Сознание определяется, как совокупность процессов, связанных с постижением бытия человека в плане осмысления его категориальных основ и в плане

самосознания. В составе сознания выделяются такие элементы, как знание, понимание, вера. Оптимальной для изучения трансформации религиозного сознания в связи с изменениями богослужебного текста представляется уровневая концепция сознания. Основой ее являются концепции сознания, разработанные В. Н. Сагатовским и М. М. Бахтиным, близкие к видению религиозного сознания, представленному в работах В. Н. Лосского, П. М. Минина и других русских философов, и в православной святоотеческой литературе. В рамках уровневой концепции в сознании выделяются уровни экзистенциального переживания, осмысления и общения с трансцендентным, которые характерны и для религиозного сознания.

Составляющие содержания религиозного сознания определяются, как представления и понятия человека о духовном мире (теологические, аксиологические, экклезиологические), к которым тесно примыкают представления и понятия об отношении Божества к человеку, о степени близости к человеку Бога или в целом духовного мира. Еще одна группа элементов религиозного сознания связана с религиозным поведением человека. Она включает в себя сложный комплекс представлений об отношениях человека с духовным миром, о формах и характере предстояния человека Богу, обрядности и ее месте в религии.

Формирование религиозного сознания всегда происходит, как диалог человека и «мира иного», и может строиться как мистический опыт надлогического характера, религиозный ритуал, формально-логическое осмысление догматов. Приоритет той или иной формы диалога во многом определяет и особенности конкретной религии. В частности, особенностью православного религиозного сознания является доминирующий в нем способ богопознания – молитва. Отмечаемый многими исследователями текстоцентризм любого вида сознания для православного религиозного сознания имеет, следовательно, особое значение. Именно в связи с этим в параграфе делается вывод о центральной роли богослужения в формировании религиозного сознания, что связано с ролью молитвы как основного способа богопознания в православии. Текстоцентризм православного религиозного сознания определяет необходимость исследования отражения этого сознания в богослужебном тексте, и отражения трансформации религиозного сознания – в изменениях текста.

Методология исследования влияния изменения богослужебного текста на трансформацию религиозного сознания представлена в п. 1.1.2. *«Религиозное сознание как диалоговое: методология исследования»*. Оптимальными для изучения религиозного сознания и его трансформации посредством изучения изменений богослужебного текста представляются методы семиотики и герменевтики.

В рамках семиотического подхода богослужебный текст может рассматриваться как сверхсложная знаковая система, которая взаимодействует с окружающей культурной средой. Основными этапами семиотического анализа текста в данном случае являются:

- выявление семиотической структуры текста;
- выявление механизмов смыслообразования в рамках текста.

Анализируя семиотическую структуру текста, необходимо определить структуру планов выражения и содержания текста, и характер их взаимных отношений. Это позволит:

- определить значение различных составляющих плана выражения текста, а также роль и место в этом плане вербального текста (объекта нашего исследования);
- выявить характер связи планов выражения с содержанием между собой, от чего зависит и значимость вносимых в текст изменений.

Выявление механизмов смыслообразования в рамках текста как семиотической системы позволит определить направления и характер взаимодействия текста и читателя (слушателя), а, следовательно, степень и характер влияния богослужебного текста на религиозное сознание.

На основе результатов семиотического анализа может быть осуществлен смысловой анализ изменений текста в аспекте их влияния на трансформацию религиозного сознания. Одним из оптимальных для такого анализа является диалоговый метод, разработанный в трудах М. М. Бахтина, В. С. Библера и других исследователей, который предполагает соотнесение текста с его контекстами: контекстом автора, контекстом интерпретатора, контекстом языка.

Специфика применения диалогового метода к изучению изменений богослужебного текста периода литургической реформы патриарха Никона определяется тем, что исследуется не весь текст, а внесенные в него изменения, поэтому интерпретация также будет даваться изменениям, а не тексту в целом. В этой связи определенные особенности будут иметь «контекст автора» и «контекст интерпретатора». В данном случае это, соответственно, контекст авторов реформы (а не текста в целом, поскольку речь идет об изменении текста), и контекст верующих, воспринимающих измененный текст. Поскольку авторы реформы и верующие, интерпретировавшие измененный текст, находились в рамках единой религиозной, культурной, языковой, исторической среды, составляющие «контекста авторов» и «контекста интерпретаторов» будут одинаковыми и включают в себя:

- религиозный контекст, определяемый принадлежностью авторов изменений (в данном случае – реформаторов церкви) и интерпретаторов реформы к православию и особенностями характерного для этой религии сознания;

– культурно-исторический контекст реформы – условия, в которых она осуществлялась.

Кроме контекста авторов и интерпретаторов реформы, изменения текста должны быть соотнесены и с контекстом языка, возможности для чего имеются благодаря достижениям лингвистики.

Таким образом, **семиотико-диалоговый методологический подход**, на основе которого может быть проведен анализ влияния изменений богослужебного текста на трансформацию религиозного сознания включает в себя:

1) семиотический анализ богослужебного текста, предполагающий определение структур планов выражения и содержания богослужебного текста и их взаимных отношений, выявление смыслообразования в рамках текста, путей и характера диалога текста и читателя (слушателя);

2) определение смыслового содержания вносимых в богослужебный текст изменений путем соотнесения их:

– с контекстами авторов и интерпретаторов изменений, что предполагает соотнесение изменений со структурами религиозного сознания и культурно-историческим контекстом никоновской реформы;

– с контекстом языка, что предполагает определение смыслового содержания изменений с точки зрения языка XVII в.

Следует отметить, что изменения в рамках никоновской литургической реформы коснулись всех богослужебных книг (Служебника, Требника, Часослова, Октоиха, Триодей и других). Естественно, что большой объем всех этих источников не позволяет проанализировать их в рамках одного исследования. Вот почему представляется необходимым построение **модели исследования**, которая позволила бы системно представить характер и направления трансформации религиозного сознания в результате изменений текста. Для этого представляется возможным анализ изменений не во всех богослужебных книгах, а лишь в нескольких, отвечающих критериям репрезентативности.

Среди таких критериев, прежде всего, следует назвать большое значение исследуемых текстов для религиозного сознания. В таком случае изменения текста воспринимаются наиболее остро и влияют на сознание в существенной степени. Другой критерий – количество изменений, внесенных в текст, достаточное для выводов о направленности трансформации религиозного сознания по результатам анализа смыслового содержания изменений. К числу богослужебных книг, отвечающих приведенным критериям, принадлежат Требник и Часослов.

Репрезентативность Требника и Часослова, как составных частей модели исследования, определяется значением этих богослужебных книг для формирования религиозного сознания. Требник содержит

последования совершения основных таинств церкви (кроме таинств Евхаристии и священства), основные чины и молитвы, совершаемые священником по просьбе прихожан («по требованию», отсюда и название Требник, или Потребник). Очевидно, что значение Требника в ряду других богослужебных книг определяется его тесной связью с повседневной жизнью верующих. Весь суточный круг богослужения, кроме литургии, содержится в Часослове, что объясняет его широкое распространение. Учитывая этот факт, можно предполагать, что изменения в текстах Требника и Часослова могли восприниматься массой верующих достаточно остро.

Существенным является объем источников и количество внесенных в них изменений (в общей сложности, около 3000). Все это позволяет говорить о достаточной репрезентативности выводов, касающихся направленности трансформации религиозного сознания, которые могут быть сделаны на основе анализа Требника и Часослова. Вместе с тем, сказанное не отменяет значимости дальнейшего изучения других богослужебных текстов (Служебник, Богослужебные Минеи, Октоих, Триоди и другие), которое является совершенно необходимым.

Представляется, что разработанные методология и модель исследования позволят системно проанализировать трансформацию религиозного сознания в связи с изменением богослужебного текста. Первым этапом такого анализа является выявление семиотической структуры богослужебного текста, что позволит определить, каковы способы, формы, логика воздействия богослужения на верующих.

Этот вопрос рассматривается в параграфе **1.2. «Богослужение как семиотическая система»** где подробно проанализирована структура православного богослужения. В п. 1.2.1., «*Структура богослужения*» делается вывод о том, что с точки зрения религиозного сознания, православное богослужение в плане выражения понимается как единый текст, представляющий собой сложную систему: синтез музыки (пения), изображения (икона), ритуала и собственно вербального текста молитв. При этом вербальный текст занимает особое место среди элементов структуры богослужения. Связано это с особой ролью языка в системе культуры. По мнению Ю. М. Лотмана, «никакая семиосфера... не может существовать без естественного языка как организующего стержня». Такое значение имеет язык не только в целом в культуре, но и в отдельных ее семиотических системах, в частности, в религиозных. Вот почему роль вербального богослужебного текста, несмотря на неотделимость от него других аспектов богослужения, все же является системообразующей. Особая роль вербального текста определяется и «логоцентризмом» православной культуры, когда книжный текст воспринимается как сакральный, поскольку связан со Словом Божиим. Помимо

плана выражения, богослужение имеет и план сакрального содержания, важный для верующих.

Вопрос соотношения планов выражения и содержания в тексте богослужения рассматривается в п. 1.2.2. *Соотношение планов выражения и содержания в богослужении*. Проблема соотношения в богослужении планов выражения и содержания имеет особую актуальность для изучения литургической реформы патриарха Никона, в связи с церковным расколом, ставшим одним из центральных событий в это время. Применительно к периоду реформы это вопрос о соотношении «догмата» и «обряда» как его внешнего выражения в тексте богослужения. Большинство дореволюционных исследователей среди характерных черт «благочестия Московской Руси» называли явление, которое обычно характеризовали термином «обрядоверие». Под «обрядоверием» понимался «народный взгляд на обряд... как на нечто самостоятельное, имеющее какую-то собственную магическую силу» (П. В. Знаменский), в связи с чем масса верующих не понимала «сути» обряда (его догматического содержания), обращая внимание лишь на «внешние» действия, в глазах людей имевшие самостоятельное значение – именно так, по мнению исследователей, возникала полемика об отдельных элементах богослужения или молитвенных текстах.

Вместе с тем, в науке присутствует и иная позиция. Так, по мнению В. Н. Лосского, «икона, крест – не просто изображение, направляющее наше воображение во время молитвы, они вещественные средоточия, в которых присутствует Божественная энергия». П. А. Флоренский указывает, что «символ – такого рода существо, энергия которого срастворена с энергией другого» и «есть такая реальность, которая больше себя самой». При этом «слово есть синергия познающего и вещи, особенно при познании Бога». Развернутую картину символизма в православном богослужении, символики таинств и молитв, дают исследования православных богословов.

Немало исследований (работы А. Ф. Лосева, П. А. Флоренского, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского и др.) посвящены связи планов выражения и содержания в слове. Общей точкой зрения ученых является мнение о тесной и непосредственной связи планов выражения и содержания в слове: без элементов неконвенционального отношения к знаку невозможно пользование языком, как на бытовом уровне, так и в области религии. Примером невозможности разделения «догмата» и «обряда» является и полемика XVII в. вокруг никоновской реформы, основанная на понимании сакрального содержания богослужения (так, сложение перстов в крестном знамении воспринималось как исповедание веры), в связи с чем можно говорить о характерном для верующих неконвенциональном отношении к знаку.

Итак, с точки зрения религиозного сознания, богослужение в плане выражения представляет собой единый богослужебный текст в единстве его невербальных (архитектура, иконопись, музыка, ритуальные действия) и вербальных элементов. Столь же тесно переплетены в богослужебном тексте и планы выражения и содержания, неотделимые в сознании верующих друг от друга. В рамках такого восприятия текста изменение выражения может трактоваться, как потенциальное изменение содержания, и наоборот.

Другим требующим рассмотрения вопросом, с учетом ведущей роли богослужения в религиозной жизни, является вопрос о том, каким образом происходит взаимодействие текста богослужения и верующего. Этот вопрос рассматривается в параграфе *1.3. «Богослужебный текст и человек: сакральный диалог как смыслообразующая структура религиозного сознания»*.

Сфера религиозной жизни отграничена от сферы повседневности, к ней – с точки зрения носителя самого религиозного сознания – принципиально не применимы критерии «обычной» (в частности, в христианской терминологии, «мирской») жизни. Это вызвано тем, что религия, независимо от ее характера – связь человека с «миром невидимым», с Богом (или, в политеизме, богами). Контакт с «Другим», Богом, как правило, не представляет собой равноправного диалога. Феноменологическая организация религиозного опыта характеризуется вынесенностью центра смыслообразования за пределы человеческой субъективности: человеческое «я» черпает осмысленность всецело в «другом», наделяемом чертами абсолюта, Бога. Кроме того, характерной чертой православного богослужения является то, что оно выражает соборный опыт церкви. Текст богослужения имеет конкретных авторов – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, будучи выражением их духовного опыта. В свою очередь, приобщение к тексту является и приобщением к духовному опыту святых.

В связи со всем сказанным находится особое отношение к восприятию текста человеком, когда от него требуется не интеллектуальное напряжение и самостоятельность мышления, а готовность принять открываемую Богом истину. Тем самым, богослужебный текст может быть определен, как сфера, по терминологии И. А. Ильина, «религиозной гетерономии»: «Гетерономия» в религии состоит в отказе от самоличного принятия (или признания) того основания, в силу которого веруемое веруется и исповедуется, и, следовательно, – в перенесении этого главного и решающего момента религиозного опыта на другого человека (или на других людей), в предоставлении ему (или им) вместо меня, за меня и для меня решить, во что именно я верую и во что я не верую». Однако, несмотря на то, что богослужебный текст принад-

лежит к области религиозной гетерономии, само пользование богослужебным текстом со стороны верующего представляет собой проявление его духовной активности, то есть религиозную автономию. Это диалектическое единство гетерономии и автономии позволяет тексту формировать сакральный диалог двух сторон – Бога и человека. Именно в процессе сакрального диалога и происходит постижение и понимание человеком религиозных истин. Таким образом, сакральный диалог является смыслообразующей структурой религиозного сознания.

Итак, в религиозном сознании богослужение играет центральную роль и предстает как сверхсложная семиотическая система, неразрывное единство плана выражения (который, в свою очередь, имеет сложную структуру, будучи синтезом словесного текста и ритуала со всеми его составляющими) и плана сакрального содержания. Планы выражения и содержания неотделимы один от другого, взаимозависимы, и формируют воздействие текста на человека в рамках религиозной гетерономии. В процессе этого воздействия происходит конституирование практически всех аспектов религиозного сознания: от фундаментальных религиозных представлений до представлений о человеке. Средством формирования этих представлений является сакральный диалог, как смыслообразующая структура религиозного сознания. Изменение богослужебного текста может влечь за собой и изменения в области формируемого им сознания, как это произошло в результате литургической реформы патриарха Никона, историко-культурный контекст которой рассматривается во 2 главе.

В Главе 2 «Кризис религиозного сознания в России XVII в. и церковная реформа патриарха Никона» рассматриваются кризис религиозного сознания в России XVII в. и его причины, а также церковная реформа патриарха Никона, как попытка преодоления кризиса религиозного сознания.

В параграфе **2.1. «Основные черты религиозной жизни России XVII в.»** рассматриваются особенности религиозной жизни России XVII в. Отмечается высокая напряженность религиозной жизни, доминирование религиозного сознания в обществе, ведущая роль православной церкви в его духовной жизни. Напряженность религиозной жизни была обусловлена рядом факторов. К ним принадлежат, в частности, особенности православия как религии – своего рода «максимализм» православия (В. В. Зеньковский), предполагающий высокие требования к духовной жизни человека. Основным из этих требований является подчинение жизни, во всех ее аспектах, духовности. Речь при этом идет не об аскезе как отрицании «мира сего», а о преобразовании мира на духовных началах. Эта особенность восточного христианства наиболее

рельефно проявляется в православном богослужении, и рассматривается на его примере.

Православное богослужение – по сути, вхождение человека из мира земного в «мир иной», выход из времени. Этот выход реализуется в богослужебном тексте через принцип так называемой «обратной перспективы», рассмотренный П. А. Флоренским применительно к иконописи, но характерный и в целом для православного богослужения. Так, в соответствии с ним построена архитектура православных храмов в отличие от католических (важность в православии внутренней архитектуры храма). В вербальном тексте тот же принцип реализуется через особенности написания ряда слов сакрального характера, которые пишутся с титлами. Понимание такого текста предполагает длительное и полное «вживание» в него, личное общение с Богом, молитву, что означает «выход из мира», изменение себя на духовных началах. Именно поэтому в предельном случае православное религиозное сознание ориентировано на воцерковление всей жизни человека. Другой фактор напряженности религиозной жизни в России XVII в. – доминирующая в русском обществе XVII в. идея «Москвы – третьего Рима», предполагавшая представление о России как последнем и единственном оплоте православия. В этой связи высшей целью государства являлось сохранение православной веры. При этом нормы христианской церковной жизни рассматривались в качестве общегосударственных («симфония» церкви и государства) и пронизывали всю жизнь человека.

Таким образом, особенности православного христианства и идеология «Третьего Рима» во многом определяли доминирование религиозного сознания в обществе. Одной из существенных характеристик религиозной жизни являлась центральная роль богослужения – как мы уже видели, основного для православия способа постижения и понимания религиозных истин – отраженная в многочисленных источниках XVII в. Однако, в области религиозной жизни общества еще с XVI в. намечаются и черты, которые большинство исследователей определяют как проявления общекультурного кризиса, частным проявлением которого был кризис религиозного сознания.

В параграфе **2.2. «Кризис религиозного сознания и его причины»** рассматриваются недостатки религиозной жизни, характерные для периода, и определяемые как проявления кризиса религиозного сознания: происходила потеря интереса к церковной жизни, выражавшаяся, в частности, в распространении многогласия, нередких подменах соблюдения требований религии соблюдением ритуала. Одновременно нарастала открытость русской культуры, расширялись контакты с культурой Западной Европы, наблюдался рост рационализма во всех областях жизни, включая и религиозную. Эти культурные явления были

факторами, усиливавшими кризисные процессы в церкви, которые, однако, имели в основном внутренние причины.

Отмеченный уже максимализм православия предполагает достаточно высокие требования к духовной и мирской жизни человека, которые в максимальной степени могут быть реализованы путем строго индивидуального духовного восхождения и самоизменения. Такой подход может предполагать статус православия в качестве массовой религии лишь в плане перспективы. Совершенно иной была ситуация в России, где православие имело статус государственной, а значит – массовой религии, что уже противоречило ориентации православия на индивидуальную духовную работу отдельного человека, предполагая скорее воздействие на массы людей. Статус православия как массовой религии подкреплялся не только позицией государства, но и идеологией, связанной с пониманием России как последнего православного царства, «Святой Руси», «третьего Рима».

Проявлением нереализуемости идеи «Святой Руси», как представляется, и были отмеченные выше явления духовной жизни, связанные с противоречием между пунктуальным внешним соблюдением требований религии (попытка «подтянуть» себя под высокие требования религии) и столь же массовым явлением недостаточной эмоциональности духовной жизни. Эти явления, как представляется, должны рассматриваться не как частные случаи проблем в духовной жизни, а как проявления системного кризиса религиозного сознания. Кризис основан был на противоречии между основами православной религиозности и, следовательно, религиозного сознания, и статусом православия как массовой религии, что и создавало невозможность воплощения в жизнь идеала «Третьего Рима».

Впервые указанное противоречие обнажилось еще в XV в. В споре нестяжателей и иосифлян, когда потребовалось определить, является ли православие религией прежде всего личного спасения (точка зрения Нила Сорского и его сторонников) или религией преобразования мира (точка зрения Иосифа Волоцкого и «иосифлян», основанная на идеологии «Третьего Рима»). Спор, как известно, разрешился в пользу «иосифлян». Победа иосифлян здесь является победой идеи «третьего Рима», которая, однако, и далее продолжает вступать в противоречие с реальной религиозной жизнью, и вовсе не случайно уже Стоглавый Собор констатирует нетерпимую ситуацию с многогласием в православных храмах, говоря о нарастании формального отношения к богослужению. Это говорит о том, что почва для нового обострения кризиса продолжает сохраняться, а в XVII в., в силу ряда причин культурного и политического характера, рассмотренных выше, создаются условия для его нового обострения.

В параграфе 2.3. *«Литургическая реформа патриарха Никона как выход из кризиса религиозного сознания»* рассматривается церковное реформирование как попытка преодоления кризиса религиозного сознания. На это была направлена и деятельность возникшего в Москве и близкого к царю и церковному руководству кружка «ревнителей благочестия», и деятельность патриарха Никона. В отличие от «ревнителей», стремившихся воздействовать на паству, умножив ее веру личным примером и проповедью, патриарх Никон выбрал путь воздействия на религиозное сознание через реформирование богослужебного текста, как вербального, так и невербального.

Степень радикализма никоновской реформы показана в параграфе на примере «исправления» Требника и Часослова. Делается вывод о серьезном масштабе реформы в области текста, о чем свидетельствует большое количество изменений (в Требнике более 2000, в Часослове около 400) их радикализм (удаление целых чинов, большие сокращения и дополнения текста). Сама масштабность реформы говорит о возможности концептуальных изменений, как текста, так и формируемого им сознания, заставляет предполагать наличие у реформаторов комплексной программы трансформации религиозного сознания. Характер и направления трансформации религиозного сознания, происшедшей в результате никоновской литургической реформы, рассматриваются в 3 и 4 главах работы.

В **Главе 3 «Никоновская «справа» и изменение фундаментальных религиозных представлений»** рассматривается влияние реформы на фундаментальные религиозные представления (теологические, аксиологические, экклезиологические). Это основные представления о Божестве и христианском видении мира, об отношении Бога к человеку, а также представления о церкви. Одной из основных предпосылок формирования религиозных представлений являются аксиологические установки, определяющие характер «встречи» человека и Бога через текст. «Встреча» может быть более или менее остро переживаемой и непосредственной.

Этому вопросу посвящен параграф 3.1. *«За единый «аз»: экзистенциальное переживание и осмысление Священной истории»*. В параграфе рассматривается трансформация понимания степени близости к человеку событий Священной и церковной истории, происшедшая в результате церковной реформы. Основным нововведением реформы является новое, отличное от дониконовского, представление о времени, которое вводится в текст путем замены аористных форм глаголов (означавших недавно совершившиеся события) на перфектные (означавшие завершенность и удаленность событий во времени). В основном эти изменения произведены в тех фрагментах текста, где речь идет о событиях

Священной истории, которые в результате выглядят не происшедшими «только что» (ср. аористную форму в пасхальном тропаре – «Христос воскрес»), означающую, что Христос «воскрес сейчас»), а завершёнными, историческими, отстоящими от верующего во времени.

Восприятие событий Священной истории в никоновском богослужебном тексте скорее предполагает осмысление исторически завершённых событий, нежели «выход из времени» и экзистенциальное переживание событий, как происходящих «сейчас», как это было в дониконовском тексте. События предстают как «общеизвестный факт», совершённый уже в истории и «более не имеющий места». Из их изложения уходит ранее присутствовавший динамизм, из участника событий молящийся превращается в «зрителя», положение которого предполагает не столько переживание события, сколько его осмысление, что, в свою очередь, предполагает известную самостоятельность человека в отношении осмысливаемых им событий.

В параграфе показано, что столкновение разных представлений о степени близости событий Священной и церковной истории демонстрирует не только богослужебный текст, но и полемическая литература. В частности, об этом говорит полемика по поводу знаменитого «аза» из Символа Веры, удаленного реформаторами союза «а» в словосочетании «рожденна, а не сотворенна» (о Христе). Противительный союз «а» введен был во время борьбы с арианством, говорившим о сотворенности Сына Божия, поэтому для старообрядцев удаление его является проявлением арианской ереси, тогда как реформаторы воспринимают арианскую ересь (IV в.) как событие историческое, завершённое во времени, что и дает право в новых исторических условиях изменить текст. Напротив, для старообрядцев первые века христианства не были историей, как не были ею и евангельские события. С этой точки зрения, всякая попытка выйти за пределы событий и осмыслить их воспринимается, как еретическое уклонение. Трансформация представления о времени влечет за собой трансформацию целого ряда других представлений, в первую очередь – представлений о Боге.

Изменения в области теологических представлений рассматриваются в параграфе **3.2. «Представления о Боге и никоновская реформа»**. Поскольку общей точкой зрения противников реформы было мнение о ее догматическом характере, чему было посвящено большинство полемических сочинений, в начале параграфа дается краткий анализ точек зрения на догматику, выявляющихся в полемической литературе, возникшей вокруг реформы. В аргументах старообрядческих полемистов обращает на себя внимание конкретность и предметность восприятия Божества и всего, с Богом связанного. Так, чрезвычайно конкретно восприятие Христа в полемике о перстосложении: два перста, означаю-

щие единство Божества и Человечества во Христе в сочетании с жестом – крестным знаменем – говорят о конкретно-историческом событии Распятия с акцентом лично на Христа (как пишет один и старообрядческих полемистов, «крест Христов, а не Троицын»). О событии Распятия напоминают старообрядцы, говоря об особом значении восьмиконечного Креста, поскольку эта форма Креста связана с Распятием – верхняя короткая «доска» исторически содержала «надписание вины» Христа («Иисус, Царь иудейский»), нижняя перекладина, к которой распятым прибывали ноги, связана с конкретной казнью. Четырехконечный же Крест, по мнению полемистов, относится к временам Ветхого Завета, будучи «образом и сенью» «самого Божественного совершенного Креста Христова». В отличие от оппонентов, реформаторы в полемике склонны подчеркивать роль Св. Троицы в спасении людей (именно в этом, по их мнению, состоит богословское содержание «троеперстия») и значение четырехконечного креста, как символа не только конкретного события Распятия, но и в целом спасения людей, прообразы чего имеются в Ветхом Завете.

Выявляющиеся в полемике тенденции проявляются и в области вербального богослужебного текста, в который вводятся сокращения молитвенных возгласов, содержащих описание свойств Ипостасей Бога: например, слова «Безначальному Отцу, со Единородным Твоим Сыном и Всесвятым Духом» могут сокращаться до «Отцу, и Сыну и Святому Духу». С этим изменением сопоставимо вызвавшее резкие возражения оппонентов патриарха изменение в тексте молитвы Св. Духу (эта молитва – неотъемлемая часть каждого богослужения): слова «Царю Небесный, Утешителю, Душе истинный» заменены на «... Душе истины». Подобные изменения повторяются в тексте Требника в общей сложности 5 раз: если для старообрядцев приоритетно подчеркивание свойств Ипостасей Бога (например, в молитве Святому Духу – истинности), то для реформаторов приоритетно Троиединство Бога (в той же молитве Святому Духу подчеркивается Бог, как Истина). Однако, изменения такого характера в вербальном тексте богослужения единичны, тогда как «магистральным», видимо, было изменение текста невербального, в особенности, перстосложения, как элементарной формы «богословия для всех». И все же можно говорить о том, что как реформа перстосложения, так и текстовые изменения в богослужебных книгах имеют одну и ту же направленность, «воспитывая» верующего на началах представлений о единстве Св. Троицы и мистического участия Божества в спасении человека. Представляется очевидным, что в этом случае направленность изменений проистекает из уже отмеченных особенностей восприятия реформаторами Священной истории, как отстоящей во времени от «настоящего». Именно осознание временной дистанции между

«тогда» и «сейчас» позволяет реформаторам выйти на уровень осмысления богословия Св. Троицы, в духе которого «воспитывает» верующего богослужебный текст.

В свою очередь, конкретность в восприятии ипостасей Божества, наглядно демонстрируемая старообрядцами в полемике, имеет в основе формируемое текстом экзистенциальное переживание каждого события Священной истории, как личного. Отсюда и определенная христоцентричность аргументации старообрядцев, «ревнующих» об «искоренении имени Христа», отстаивающих восьмиконечный Крест, как напоминание о конкретном, лично переживаемом Распятии, и слова «Его же Царствию несть конца» в Символе Веры. Конкретика в восприятии Божества распространяется старообрядцами и в целом на понимание тринитарного догмата, когда подчеркивание свойств каждой из ипостасей Троицы предпочтительнее, чем подчеркивание единства, а малейшее отступление от этой точки зрения представляется ересью («Отца и Сына сливают во едино лице»).

Итак, разное восприятие церковной и Священной истории ведет и к определенным различиям в восприятии христианской догматики, хотя, как мы видели, и не приводит к радикальным изменениям (например, отмене догматов или введению новых). Можно предположить, что не менее серьезные изменения должны были произойти и в области религиозных представлений, касающихся позиции Бога в сакральном диалоге.

Вопрос об изменении представлений о позиции Бога в сакральном диалоге рассматривается в параграфе **3.3. «Бог в сакральном диалоге и никоновская реформа»**. В п. **3.3.1. «Изменение представлений о степени близости Бога»** констатируется, что фундаментальное изменение – переход от экзистенциального переживания Священной истории к ее осмыслению – имело серьезные последствия и для понимания мистической «встречи» человека и Бога: в никоновской редакции она менее остра и эмоциональна, чем в дореформенных текстах. В целом ряде случаев удаляются или заменяются слова, подчеркивающие непосредственное участие Бога в таинствах, в жизни человека. Не случайно и удаление из текста множества эмоциональных определений Божества. Например, слова «Пречистых и Святых таин Твоих» могут быть сокращены до «Пречистых Таин Твоих», слова «Бог Сый и Владыка» сокращаются до «Бог Сый», слова «Святой Царю славы» сокращаются до «Святой Царю», слова «но молимтися, Владыко Ты Господи всех» – до «но Ты Владыко всех», слова «Ему же слава во веки веком» – до «Ему же слава во веки», «страшных и Божественных Твоих Таин» – до «Святых Твоих Таин», «Владыко Благий» – до «Владыко» и т. д. Одновременно подчеркивается Божественный кеносис, снисхождение к человеку. Например,

в третьей молитве на 40-й день по рождении младенца слова «Господи... в четыредесятный день младенец законному храму принесется» заменены на «... принесенный», т. е. возвратный залог глагола, подчеркивающий самостоятельное действие Христа, заменен на страдательный, что переносит акцент с Божественной самостоятельности на то, что Христос был принесен к храму, как Младенец. Эта же тенденция продолжается изменением в той же молитве, когда слова «и на объятиях праведного Симеона прият» заменены на «... носимый», вновь в страдательном залоге.

Выход на уровень осмысления Божества диктует и изменения в области представлений о соотношении суда и милости в отношениях Бога к человеку. Эти изменения рассматриваются в п. 3.3.2. *«Изменение представлений о соотношении суда и милости Бога»* Если дониконовский верующий, переживая евангельские события конкретно и зримо, зримо представлял и Бога-Судию, то верующий, формируемый никоновским текстом, выведенный из событий Священной истории, находящийся в некоторой степени «вне» ее, «видит» Бога в большей степени, как Милующего, любящего человека, и именно этот акцент вводится в текст реформаторами, причем достаточно целенаправленно (вплоть до введения пространных фрагментов, подчеркивающих милость Бога). Тем самым, новое представление о позиции Бога в сакральном диалоге видится как развитие новых представлений о Божестве, порожденных иным, нежели до реформы, пониманием степени близости событий Священной истории.

Особую группу фундаментальных религиозных представлений составляют представления эkkлeзиологические. В православном религиозном сознании это – представления о церкви и ее роли в жизни человека. Изменению этих представлений посвящен параграф 3.4. *«В церкви стояще славы Твоя...»: эkkлeзиологические представления и их трансформация»*. Анализ изменений богослужебного текста показывает, что верующий, формируемый дониконовским богослужебным текстом склонен был распространять религию на мирскую жизнь, «пронизывать» ее религией. На это настраивало его наличие в богослужебном тексте большого количества слов, имеющих и церковные, и мирские значения (например, слово «масло» означает, помимо церковного еляя, еще и масло коровье, масляную краску и др., «церковь» – помимо здания, также сообщество верующих, приход, епархию). Эта особенность способствовала тому, что мирская жизнь встраивалась в церковную. При этом сохранялся приоритет церковной жизни, на началах которой должна была преобразовываться жизнь мирская.

Другой подход характерен для никоновской реформы. Одной из ее доминирующих тенденций было стремление строго и, в ряде случаев,

радикально разделить сферы церкви и «мира сего», возвысив значение духовной жизни, «подняв» ее над обыденностью. Если дониконовский текст «воцерковляет» всю жизнь человека, то никоновская редакция разделяет сферы мира и церкви, причем достаточно целенаправленно. Слова с двойным семантическим наполнением – мирским и церковным – заменяются на слова с узко-церковным значением («елей» вместо дониконовского «масло», «храм» вместо «церковь» и др.). Тем самым, можно говорить о том, что реформа ставит под сомнение устоявшееся в культуре представление о воцерковлении всей жизни человека, делая попытку разделить духовную и мирскую жизнь, что не могло не восприниматься болезненно значительной частью верующих.

Сделанные в главе наблюдения показывают, что реформа не вводила в фундаментальные религиозные представления новых элементов и не удаляла существующих: не было отменено почитание Св. Троицы, Христа, Богородицы, святых. Не претерпели изменений и фундаментальные представления о Христе и искуплении человека. Несмотря на это, точка зрения старообрядческих полемистов о «догматическом» характере никоновской реформы находит некоторое подтверждение, так как в области теологических представлений произошел переход с уровня экзистенциального переживания Священной истории на уровень ее осмысления. В связи с этим, по-новому была осмыслена догматика, трансформирована позиция Бога в сакральном диалоге, а также экклезиологические представления в аспекте роли церкви в повседневной жизни.

Отмеченные явления находятся в русле некоторых тенденций, отмечаемых исследователями в целом в культуре России XVII в.: роста рационализма, стремления осмыслить и понять (в том числе – и Священную историю), попыток осмыслить исторические события. В то же время применительно к богослужению вряд ли есть основания говорить, что никоновский текст однозначно настраивал верующего на рационалистическое осмысление Священной истории – это осмысление вполне могло быть и мистическим, как, например, осмыслил Св. Троицу прп. Андрей Рублев в своей иконе, где представлен неипостасный образ Бога, без надписей, означающих ипостаси. Несмотря на то, что реформа ориентировалась на греческую богослужебную практику, можно сказать, что в области теологических представлений она представляла собой и аккумуляцию накопленного церковью религиозного опыта. В области религиозного сознания реформированный текст должен был способствовать переходу с уровня экзистенциального переживания на уровень осмысления догматики, с возможностью дальнейшего перехода к уровню «богообщения», мистического богословия. Такой переход предполагал и изменение видения человека, в связи с чем трансформация

ция должна была коснуться и другой группы религиозных преставлений, составляющих содержание религиозного сознания – представлений и понятий о человеке, его месте и роли в сакральном диалоге. Этому вопросу посвящена 4 глава работы.

В Главе 4 «**Никоновская литургическая реформа и изменение позиции человека в сакральном диалоге**» рассматривается трансформация группы религиозных представлений о позиции человека в сакральном диалоге. В параграфе 4.1. «**Никоновская реформа и трансформация представлений о спасении человека**» рассматриваются предпосылки изменения позиции человека в сакральном диалоге, вытекающие из нового видения Священной истории. Ряд изменений синонимического и грамматического характера вносят в текст представления о спасении человека как уже завершенном. Так, слова, подразумевающие Христа «пришед в мир во еже спасти человеческий род и свободити нас от работы вражия» заменяются на «пришедый... спасый...», слова «страсти врачуай» – на «страсти уврачевавый» (в прошедшем времени, что говорит о завершенности события). С особой силой подчеркивается совершившееся спасение в Чине погребения мирян, одном из наиболее эмоциональных чинов Требника. При этом целый ряд изменений вводят обобщающее понятие о смерти, подчеркивая, что смерть христианина является началом новой жизни, тогда как ранее во многих песнопениях присутствовала сосредоточенность на смерти конкретного человека.

Присутствуют изменения такого же характера и в тексте Часослова. Например, в службе Великого Повечерия в молитве св. Василия Великого посредством смены форм глагола не только удаляется прямое обращение и молитвенная просьба об избавлении, но и сама молитва выглядит исполненной, так как появляется форма несовершенного вида, и речь идет не о просьбе об избавлении, а о избавлении, совершающемся всегда: вместо «Господи, Господи, избави нас от всякия стрелы, летящая во дне...» – «Господи, Господи, избавлей нас от всякия стрелы, летящая во дне...».

Введение в текст представления о завершенности спасения человека влечет за собой трансформацию в области характера и форм предстояния человека Богу, которая рассматривается в параграфе 4.2. «**Изменение характера и форм предстояния человека Богу**». В п. 4.2.1. «**Я**» и «**мы**» в богослужебном тексте: от личного предстояния к соборному» показано, что доминирующей тенденцией в области изменения характера предстояния является замена личного предстояния на своего рода соборное. Наиболее ярко это проявляется в чине Исповеди, когда в отличие от дониконовского текста, где священник практически кается вместе в исповедником, заявляя о том, что он «таков же человек и грешнее всех человек», в никоновском Требнике священник

возвышается над кающимся в качестве носителя Благодати, и греховность его в этом контексте не имеет значения. Те же тенденции последовательно проводятся в отношении монахов и мирян: монах должен видеть себя как неотъемлемую часть монашества вообще, а мирянина прививается мысль о единстве с другими верующими христианами и о себе как о «представителе» христиан. Так, одним из часто повторяющихся изменений (в тексте Требника – более 20 раз) является удаление из целого ряда молитв конкретного указания на молящегося или верующего, над которым совершается таинство. Такого рода указания могут удаляться при помощи замен личного местоимения на менее конкретное указательное, путем удаления личных местоимений, либо замены местоимения «я» на «мы». Перечисленные изменения представляют собой следствие нового подхода к религиозным представлениям, связанного с переходом от переживания (всегда в той или иной степени личного) к осмыслению, предполагающего выход на уровень обобщения. Одновременно они находятся в русле общекультурной тенденции к открытости культуры, которая была связана с расширением культурных контактов, и постепенно формировала представление о «христианине вообще», а не только о характерном для России христианстве.

Помимо характера предстояния, изменяются и его формы. Эти изменения рассмотрены в п. 4.2.2. *«Никоновская литургическая реформа и новое отношение к обряду»*. Для дониконовского текста характерны детализированные описания ритуальных действий по совершению богослужения, которые, как представляется, являются следствием дониконовского понимания религиозной жизни, как воцерковления всей жизни человека. В храме и вне его стен религиозный ритуал пронизывает все сферы жизни человека. В свою очередь, никоновский текст, стремясь разделить сферы мирской обыденности и церковной жизни, неизбежно должен был уделять меньшее внимание не столько самому ритуалу (понимание значимости которого полностью сохранилось), сколько детализации его совершения: ведь теперь ритуал относится только к сфере духовной жизни, а не жизни человека во всей ее полноте. В области богослужебного текста эта позиция реформаторов выразилась в сокращении описаний действий священников и верующих, что повлекло непонимание со стороны духовенства (например, по поводу якобы имевшего место «запрета» на ношение нательного креста, который в действительности представлял собой только сокращение детализированного описания облачения верующего, принявшего Крещение). Можно предположить, что не менее серьезные изменения под влиянием текста должны были произойти и в мирской жизни – это своего рода «освобождение»

человека от религиозного ритуала, как руководства в жизни, с пониманием различий сфер мирской и духовной жизни.

Определенной сложностью для религиозной жизни является здесь то, что освобождение от ритуала может влечь за собой и освобождение от его содержания – то есть религиозных ценностей. Вот почему никоновский текст предполагает освобождение от ритуализации в комплексе с новыми представлениями о Божестве, рассмотренными выше, а также с новыми представлениями о характере предстояния Богу «единого от христиан».

В параграфе **4.3. «Никоновская реформа и трансформация предстояния человека Богу»** рассматриваются изменения, которые претерпело предстояние человека Богу в результате реформы. Основой изменений в этой области является видение человека в качестве «единого от христиан», и понимание завершенности спасения человека в рамках нового видения Священной истории. Прежде всего, изменения представлений о предстоянии человека Богу затрагивают «чувство ранга» (И. А. Ильин), изменения в области которого анализируются в п. 4.3.1. «*Чувство ранга и его изменение*». Сделанные наблюдения показывают, что в результате реформы иным становится понимание человеком (как его «видит» текст) и своего места по отношению к Богу – теперь верующий все чаще «дерзает» обращаться к Богу личным «Ты» (изменений такой направленности 39 в Требнике и 14 – в Часослове). В связи с этими обстоятельствами, происходят и изменения в области понятий и представлений о покаянии человека, рассматриваемые в п. 4.3.2 «*Характер покаяния и его изменение*». В п. 4.3.2.1 «*Понятия о грехе и добродетели в богослужебном тексте и их трансформация*» показано, что в результате изменения богослужебного текста обобщается само понятие греха: понятие общего характера в никоновской редакции может заменять перечисление ряда конкретных грехов, либо вводится слово, означающее грех, но с более широким семантическим контекстом (например, слова «и всяко прегрешение волное и не волное, содеянное им...» могут быть сокращены до «всякое согрешение, содеянное им...», слова «Господь да очистит Тя от всякия скверны» – до «Господь да очистит тя», и др.).

Введенное обобщенное понятие о грехе влечет за собой и ряд изменений, касающихся характера покаяния верующего в плане степени эмоциональности. Эта изменения анализируются в п. 4.3.2.2. «*Эмоциональность покаяния и ее изменение*». Наиболее ярким примером здесь является удаление покаянных молитв и их фрагментов. Так, 5 покаянных молитв удалено из чина Исповеди, из чина Елеосвящения удалены 14 кондаков и 17 покаянных тропарей Богородице, 32 покаянных стихиры удалено из Чина погребения мирян. Масштабность удале-

ния разного рода покаянных молитв и их фрагментов свидетельствует о достаточно целенаправленном действии, ориентированном на общее снижение покаянности молитвенных прошений. Снижение покаянности и общей эмоциональности молитвенных прошений наблюдается не только вследствие простого удаления наиболее эмоциональных фрагментов, но и вследствие ряда синонимических и грамматических замен той же направленности. Наличие таких изменений показывает, что сокращение текста в части удаления покаянных молитв носило не технический, а концептуальный характер, будучи обосновано новым представлением о роли человека в сакральном диалоге.

На фоне множества изменений, снижающих покаянность, обращают на себя внимание ряд синонимических замен, подчеркивающих активность человека в деле своего спасения там, где дониконовский текст акцентировал полную зависимость спасения от воли Бога. Эти изменения рассмотрены в п. 4.3.3. *«Трансформация представлений об активности человека в сакральном диалоге»* в сакральном диалоге. Обращает на себя внимание большое количество замен страдательного залога, подчеркивающего подчиненность (в данном контексте – твари Творцу) на возвратный или действительный, подчеркивающий активность, в частности, человека. В ряде случаев эта активность касается собственного спасения. Активность человека в деле своего спасения подчеркивается реформаторами и в тексте Часослова. Реформой формируются и представления о «создании» спасения, активности человека в этом (например, изменение в тропаре Христу в службе Великого Повечерия: в дониконовской редакции – «житие чисто... покаянием стяжанно». В никоновском тексте: «... покаянием ми созданно»). Приведенные примеры говорят о том, что в никоновской редакции в ряде случаев подчеркивается самостоятельность человека в его духовной жизни.

В целом, можно констатировать достаточно радикальную трансформацию позиции человека в сакральном диалоге, задаваемую никоновским богослужебным текстом. На основе введенного в текст представления о завершенности спасения человека, в рамках перехода от экзистенциального переживания Священной истории к ее осмыслению, трансформируются характер предстояния человека Богу и его формы (переход от личного предстояния к соборному, падение значения ритуала). Иным становится понимание места человека в сакральном диалоге, когда происходит как бы «приближение» молящегося к Богу. На этом фоне радикально снижается покаянность богослужебного текста. Конечно, реформой не подвергается сомнению роль покаяния в духовной жизни, однако, новое понимание человека как «единого от христиан», «христианина вообще», естественно, не может предполагать того острого покаянного чувства, которое демонстрирует дониконовский текст.

Тем самым, по внешним, формальным признакам, изменения, касающиеся позиции человека в сакральном диалоге представляют собой снижение требований к верующим: это освобождение от ритуализации, снижение покаянного пафоса. Однако суть изменений значительно глубже и предполагает не снижение, а, напротив, повышение требований к духовной жизни, что предполагает осознание себя, как христианина, представителя христиан и осознание «неотмирности» христианства. В комплексе с изменениями представлений о Боге, которые были рассмотрены в предыдущей главе, изменение позиции человека в сакральном диалоге вело верующего, путем вживания в текст и его осмысления, на новый уровень духовной жизни, тем самым, по мысли реформаторов, обеспечивая преодоление имевшего место кризиса религиозного сознания.

В **Заключении** сформулированы основные выводы работы, намечены перспективы дальнейшего исследования поставленных в диссертации проблем.

Основные результаты исследования отражены в 26 публикациях соискателя:

Монография

1. Сазонова, Н. И. У истоков раскола Русской церкви в XVII веке: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (на материалах Требника и Часослова) / Н. И. Сазонова. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – 296 с. (17,2 п.л.)

Статьи в научных журналах, включенных в перечень ВАК

1. Сазонова, Н. И. Церковная реформа патриарха Никона и эволюция религиозного мировоззрения / Н. И. Сазонова // Религиоведение. – 2008. – № 4. – С. 23–31 (0,5 п.л.).

2. Сазонова, Н. И. Православный богослужебный текст как семиотическая система / Н. И. Сазонова // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 107–114 (0,5 п.л.)

3. Сазонова, Н. И. Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666 гг.) и оппозиция духовенства никоновской церковной реформе (на материалах исправления Требника) / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 309, апрель. – С. 99–102 (0,5 п.л.)

4. Сазонова, Н. И. Текстология церковной реформы патриарха Никона (1654–1666 гг.) в старообрядческой полемической литературе 2 пол. XVII в. / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 218, май. – С. 103–106 (0,4 п.л.)

5. Сазонова, Н. И. Текстология «исправления» Требника при Патриархе Никоне / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Вып.3 (66). – Серия :

Гуманитарные науки (История, археология, этнология). – С. 112–116 (0,4 п.л.).

6. Сазонова, Н. И. Православный богослужебный текст и социальные аспекты функционирования православного религиозного сознания / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 12(63). – Серия : Гуманитарные науки (Социология). – С. 106–110 (0,4 п.л.).

7. Сазонова, Н. И. «...Да не порушится греческих переводов расположение» (некоторые тенденции церковной реформы патриарха Никона на материалах исправления Часослова) / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 1(52). – Серия : Гуманитарные науки (История). – С. 10–15 (0,5 п.л.).

8. Сазонова, Н. И. Старообрядческий богослужебный текст XVII в. как явление религиозной культуры (на материалах Часослова и Требника) / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281, март. – Серия : История. Краеведение. Этнология. Археология. – С. 196–199 (0,4 п.л.).

Сборник документов, статьи в научных журналах, тезисы докладов

1. Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (1654–1666 гг.) : Требник и Часослов : сб. документов / сост. Сазонова, Н. И. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – 248 с. (14,42 п.л.)

2. Сазонова, Н. И. Об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне / Н. И. Сазонова // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 78–82 (0,5 п.л.)

3. Сазонова, Н. И. Церковная реформа патриарха Никона и эволюция религиозных представлений / Н. И. Сазонова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2007. – С. 152–154 (0,4 п.л.)

4. Сазонова, Н. И. «Обрядовая» реформа патриарха Никона и эволюция религиозного мировоззрения / Н. И. Сазонова // Материалы международной конференции «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета», 20–21 ноября 2007. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 227–234 (0,4 п.л.)

5. Сазонова, Н. И. Православный богослужебный текст и религиозное сознание [Электронный ресурс] / Н. И. Сазонова // Аналитика культурологии. – 2007. – № 3. – Режим доступа : <http://www.analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=44>, свободный (0,5 п.л.)

6. Сазонова, Н. И. Феномен «обрядоверия» и религиозное сознание / Н. И. Сазонова // X Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2007 г.). – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – Т. 5. Культурология, философия, социология. – С. 157–165 (0,3 п.л.).

7. Сазонова, Н. И. Текстология исправления Часослова при патриархе Никоне и возникновение старообрядчества / Н. И. Сазонова // Старообрядчество: история, культура, современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы V международной научно-практической конференции 31 мая – 1 июня. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. – С. 283–288. (0,3 п.л.)

8. Сазонова, Н. И. Православный богослужебный текст и некоторые особенности православного религиозного сознания / Н. И. Сазонова // Человек в современных философских концепциях. Материалы IV международной конференции : в 4 т. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. – Т. 3. – С. 506–510 (0,3 п.л.).

9. Сазонова, Н. И. Проблемы изучения православного религиозного сознания и семиотический анализ православного богослужебного текста / Н. И. Сазонова // II Международная научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века : проблемы и перспективы». – Омск : б. и., 2007. – Т. 1 – С. 264–268 (0,3 п.л.)

10. Сазонова, Н. И. Текстология исправления Требника при патриархе Никоне и возникновение старообрядчества / Н. И. Сазонова // Старообрядчество : история, культура, современность : сб. статей. – М. : б. и., 2007. – С. 135–142 (0,4 п.л.).

11. Сазонова, Н. И. Междисциплинарный подход и проблемы изучения раскола Русской православной церкви в XVII в. / Н. И. Сазонова // Материалы XIX международной научной конференции «Единство гуманитарного знания : новый синтез» 25–27 января 2007 г. – М. : б. и., 2007. – С. 304–306 (0,3 п.л.).

12. Сазонова, Н. И. Православный богослужебный текст как объект семиотического исследования / Н. И. Сазонова // X Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.). – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2006. – Т.5. Культурология, философия, социология – С. 210–213 (0,3 п.л.).

13. Сазонова, Н. И. Семиотика православного богослужебного текста и новые подходы к изучению раскола Русской православной церкви в XVII веке / Н. И. Сазонова // Человек. Текст. Культура : сб. статей. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2006. – С. 45–55 (0,5 п.л.).

14. Сазонова, Н. И. Семиотика православного богослужебного текста / Н. И. Сазонова // Православие и развитие российской духовной

культуры в Сибири : материалы Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Томск : Изд-во ЦНТИ, 2004. – Т. 1. – С. 175–179 (0,4 п.л.).

15. Сазонова, Н. И. К проблеме соотношения православной культуры и культуры современного общества / Н. И. Сазонова // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке : теория, история, практика. – Новосибирск : б. и., 2000. – С. 142–143 (0,3 п.л.).

16. Сазонова, Н. И. О некоторых тенденциях церковной реформы Патриарха Никона / Н. И. Сазонова // Культура, философия и история. – Томск : Изд. Томского гос. ун-та, 1994. – С. 106–109 (0,3 п.л.)

17. Сазонова, Н. И. Раскол Русской Православной Церкви в XVII веке : обрядовая полемика / Н. И. Сазонова // Духовная культура : проблемы и тенденции развития : материалы всероссийской научной конференции. – Сыктывкар : б. и., 1994. – С. 32–35 (0,3 п.л.).

Печать: трафаретная   Подписано в печать: 29.05.2009 г.
Бумага: офсетная   Тираж: 120 экз.
Усл. печ. л.: 2,1   Заказ: 25Ф-09
Уч. изд. л.: 2,25
Формат: 60x90/16

Отпечатано в ООО «Печатник»
634050, г. Томск, ул. Советская, 22. Телефон: (3822) 52-93-83.